

Д. М. Смирнова

ЧУЖОЕ СЛОВО В СТИХОТВОРЕНИИ И. БРОДСКОГО «ПЕРЕД ПАМЯТНИКОМ А. С. ПУШКИНУ В ОДЕССЕ»

DAR'IA M. SMIRNOVA
DISCOURSE OF ANOTHER IN JOSEPH BRODSKY'S POEM
"IN FRONT OF THE PUSHKIN MONUMENT IN ODESSA"

**Дарья Михайловна
Смирнова**

аспирант

► virus_brain@mail.ru

Сыктывкарский государственный
университет им. Питирима Сорокина,
Российская Федерация, 167000,
Сыктывкар, Октябрьский пр., 55

Dar'ia M. Smirnova

Postgraduate Student

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
55, Oktiabr'skii pr., Syktyvkar,
167000, Russian Federation

Темой статьи стало чужое слово в стихотворении И. Бродского «Перед памятником А. С. Пушкину в Одессе». Использованы метод интертекстуального анализа, биографический метод. Проанализирован пушкинский интертекст с помощью аллюзии на стихотворения А. С. Пушкина о свободе («Узник», «Не дай мне, бог, сойти с ума...», «К морю»), отсылка к иным его текстам (сказки, «Медный всадник»). Исследуется также включение других форм чужого слова в текст произведения. Описывая А. С. Пушкина, комментируя его стихотворения на тему свободы, И. Бродский обнаруживает сходство с собственным положением: в стихотворении он акцентирует внимание на тех фактах биографии поэта, которые переключаются с его биографией, и для усиления этого сходства помещает их в нужный для себя контекст. В произведении представлен образ А. С. Пушкина, который видится И. Бродскому-изгнаннику, но не исследователю-биографу, поэтому некоторые черты этого образа гиперболизируются, а некоторые опускаются (так, по И. Бродскому, свобода представляется для А. С. Пушкина главной ценностью). Автор стихотворения воспринимает А. С. Пушкина через призму собственного мироощущения, придавая ему черты изгнанника, и реализует свои представления в тексте как эксплицитно, говоря о «родстве» с поэтом, так и имплицитно, с помощью комментариев к пушкинским строкам. Это позволяет И. Бродскому считать себя продолжателем поэтической миссии А. С. Пушкина, которая заключается в том, чтобы заявить о различных ценностях (в том числе о ценности свободы) в поэтических текстах.

Ключевые слова: И. Бродский, А. С. Пушкин, интертекстуальность, чужое слово.

The topic of the article was someone else's word in I. Brodsky's poem "Before the monument to A. S. Pushkin in Odessa." The method of intertextual analysis and the biographical method were used. Pushkin's intertext is analyzed using allusions to A. S. Pushkin's poems about freedom ("Prisoner", "God forbid, God forbid me to go crazy...", "To the Sea"), references to his other texts (fairy tales, "The Bronze Horseman"). The inclusion of other forms of someone else's word in the text of the work is also explored. Describing A. S. Pushkin, commenting on his poems on the topic of freedom, I. Brodsky reveals similarities with his own position: in the poem he focuses on those facts of the poet's biography that resonate with his biography, and to enhance this similarity he places them in the right place for himself context. The work presents the image of A. S. Pushkin, which is seen by I. Brodsky the exile, but not by the researcher-biographer, therefore some features of this image are exaggerated, and some are omitted (this is how, according to I. Brodsky, freedom appears to A. S. Pushkin the most important value). The author of the poem perceives A. S. Pushkin through the prism of his own worldview, giving him the features of an exile, realizes his ideas in the text both explicitly, speaking about "kinship" with the

poet, and implicitly, through comments on Pushkin's lines. This allows I. Brodsky to consider himself a continuator of the poetic mission of A. S. Pushkin, which is to declare various values (including the value of freedom) in poetic texts.

Keywords: Joseph Brodsky, Alexandr Pushkin, intertextuality, discourse of another.

Введение

Интерпретация поэзии — сложный процесс, опирающийся на различные методы, включая метод интертекстуального анализа. По определению В. П. Москвина, «интертекстуальный анализ направлен на выявление межтекстовых ассоциативных связей и приемов, служащих созданию таких связей, — фигур интертекста. К числу приемов этого класса относятся различные типы цитирования, текстовая аппликация, текстовая аллюзия, а также парафраз текста, цитаты или крылатых слов» [Москвин 2015: 92]. Однако сам термин «интертекстуальность» имеет широкое значение. Так, Б. Н. Головкин отмечает, что интертекстуальные отношения могут быть не только между двумя текстами, но и между текстом и «иной невербальной семиотической системой» [Головкин 2011: 11], а В. Лукин понимает интертекстуальность как «наличие в одном тексте элементов другого текста» [Лукин 2005: 78].

Чтобы прийти к терминологическому компромиссу, предлагается использовать термин «чужое слово», введенный М. Бахтиным [Бахтин 2000: 367], так как в рассматриваемом произведении И. Бродского присутствуют как традиционные интертекстуальные взаимодействия (цитирования и реминисценции), так и отсылки к более сложным речевым структурам, нежели некое отдельно взятое произведение. Говоря о чужом слове в лирике Бродского, нужно помнить, что «чужое» воспринимается как возможность иного видения, «чужая» точка зрения, и построение «своего» мыслится через переосмысление «чужого», являющегося лишь вариантом изначального события — Слова» [Мищенко 2008: 25].

Цель написания данной статьи — анализ включений чужого слова в стихотворение И. Бродского «Перед памятником А. С. Пушкину в Одессе» с точки зрения интерпретации текста,

открытие новых смыслов в данном произведении на основе использования автором заимствований из других текстов и пластов языка.

Состояние изучения вопроса

Интертекстуальность поэзии И. Бродского — достаточно рассмотренный, хотя и не закрытый вопрос в литературоведении. Из монографий, посвященных этой проблеме, интерес представляет «“На пиру Мнемозины...”: интертексты И. Бродского» А. Ранчина [Ранчин 2001], подробный комментарий к некоторым стихотворениям поэта, в том числе к интертекстуальным отсылкам, сделанный Д. Ахапкиным [Ахапкин 2009]. Существует множество статей, содержащих анализ одного, отдельного взятого стихотворения. С другой стороны, по мнению В. Ратникова, «пушкинский контекст» — одна из существенных составляющих поэзии Иосифа Бродского» [Ратников 1999: 137], однако не все его стихотворения, связанные с именем Пушкина, проанализированы с точки зрения нахождения в них чужого слова. Кроме того, в данном стихотворении чужое слово выходит за рамки отсылок в тексте к другому тексту, что также нечасто становится предметом исследований. **Методы**, использованные при анализе, — метод интертекстуального анализа с элементами биографического метода (при применении этого метода «контекст жизненного опыта писателя и его личность рассматриваются как основополагающий фактор творчества» [Петровская 2001: 90]).

Обсуждение. Пушкинский интертекст

Стихотворение «Перед памятником А. С. Пушкину в Одессе» посвящено Я. Гордину. Сам адресат говорит следующее: «Думаю, что посвящение девяностых годов объясняется не тем, что я написал к тому времени две книги о Пушкине, но памятью о наших давних спорах о границах свободы — в конце пятидесятых» [Гордин 2000: 206–207]. Однако предполагается, что образ Пушкина неслучайно связан с посвящением Гордину: в этот период (конец 1960-х годов), скорее всего, Я. Гордин начинает писать труд «Гибель Пушкина. 1831–1836», который опубликован в журнале «Звезда» в 1973 г.

Можно предположить, что Гордин и Бродский обсуждали содержание этой книги в силу своей дружеской и литературной близости. В предисловии Гордин так определяет личность А. С. Пушкина, о которой будет говорить в своей книге: «Его империя — пространство стройного порядка, личной свободы и личного достоинства» [Гордин 2016: 7]. Мотив личной свободы ключевой при создании образа Пушкина в стихотворении Бродского. Кроме того, Я. Гордин становится третьим «изгнанником» наряду с И. Бродским и А. С. Пушкиным: автора не изгоняют из страны, но в том же предисловии он пишет: «...волею могучих обстоятельств оказался в “черном списке”, что означало запрет на публикации, и вынужден был зарабатывать телевизионной работой под псевдонимами» [Гордин 2016: 3]. Скорее всего, сочетание нескольких факторов: разговоры о Пушкине и свободе личности, собственное столкновение с цензурой, запрет литературной деятельности друга — послужило импульсом к созданию стихотворения «Перед памятником А. С. Пушкину», несущего идею безусловной важности свободы, в угоду которой могут игнорироваться определенные факты биографии Пушкина или могут быть помещены в такой контекст, который меняет их суть.

Обратимся к заглавию стихотворения «Перед памятником А. С. Пушкину в Одессе». Слова «памятник» и «А. С. Пушкин» своим сочетанием могут отсылать к стихотворению «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (здесь и далее цитируется по: [Пушкин 1950]). Следуя традиции, заданной Горацием, А. С. Пушкин в своем стихотворении говорит, что памятник, который создает поэт, — это его поэзия, его творческие труды. Согласно поэтическому завещанию поэта, помнить его будут за то, что он «чувства добрые лирой пробуждал», а также «восславил свободу». Однако И. Бродский помещает памятник Пушкину в пространственный контекст, который не ассоциируется с таким восприятием его творчества. Лирический герой Бродского останавливается перед реально существующим памятником. С одной стороны, это образ слепого холодного пространства, которое не принимает прибывших из иных мест («гостиницы мертвы», «незрячесть глаз слепых богинь»,

«столбенела ночь», образы зимы и тумана) (здесь и далее цитируется по: [Бродский 2001]). С другой стороны, рядом все-таки появляются живые существа — «грек на фелюке», который уплывает в Пирей, и «стаяка упырей». По мнению В. Юхта, первый образ усиливает чувство отчаяния: «Грек, порожняком уходящий в Пирей? Но ведь его уже нет на берегу, он покидает гавань, увозя с собой заветные мечты о победе, усиливая безнадежность» [Юхт 2003: 297–298]. Образы упырей — это перифраза для изображения пьяниц, выходящих из кабака, о чем можно узнать из комментария редактора к упомянутой статье: «имеется в виду ночной кабак...» [Юхт 2003: 298]. Для лирического героя очевидно расхождение между завещанием поэта и реальностью, что вызывает у него досаду и разочарование, а это, в свою очередь, рождает ироничное отношение и к памятнику, и ко всему, что он должен олицетворять. Все, что в дальнейшем рассматривается как материал для сближения судьбы автора стихотворения с судьбой А. С. Пушкина, можно понимать как «поэтический эгоцентризм» И. Бродского, который каждый факт биографии своего литературного предшественника и каждое его стихотворение рассматривает как поэт-изгнанник, нашедший в литературе «родственную душу».

У И. Бродского нередко можно встретить мотив «неправильной памяти» о писателе, когда читателем запоминается не произведение, не его язык, приемы, смыслы, а какие-то факты биографии, стереотипы. Так, в стихотворении «Баллада о Лермонтове» роман «Герой нашего времени» сводится в читательском сознании лишь к одной главе, «Княжна Мери», и лишь к любовной линии между Печориным и Мэри (ср.: «поговорим о Лермонтове, <...> авторе романа // из жизни на водах»), в стихотворении «Представление» Л. Н. Толстой (ср.: «нежный граф // Превратился в книжный шкаф») запоминается обывателям именно объемом произведений (количество написанных произведений и, конечно, объем романа-эпопеи «Война и мир»), в стихотворении «Памятник А. С. Пушкину» скульптура предстает одинокой и забытой («Пустой бульвар. // И памятник поэту»), и в этом контексте творчество поэта

представляется как забытое («...И тишина»). Идея важности литературы присутствует и в эссеистике И. Бродского: в своей нобелевской лекции он отмечает: «Существует преступление более тяжкое — пренебрежение книгами, их не-чтение» [Бродский 2001, т. 1: 12].

Рассмотрим текст стихотворения. Лирический герой рассказывает о своем прибытии в город: «Не по торговым странствуя делам <...> я на берег сошел в чужом порту». Морское путешествие — самостоятельное путешествие или изгнание — словно является ответом на вопрос героя из пушкинской элегии «К морю»: «Теперь куда же // Меня б ты вынес, океан?». Кроме того, уже в начале стихотворения ставится задача более широкого погружения лирического героя в творчество Пушкина: фраза о торговых делах отсылает к «Сказке о царе Салтане», к образам купцов, встречающихся с главными героями. Разумеется, нельзя считать данный образ реминисценцией, однако нельзя и не отметить схожесть ассоциативных рядов в стихотворении И. Бродского и лирике А. С. Пушкина: речь в этом стихотворении пойдет о свободе, для Пушкина же один из главных природных образов, символизирующих свободу, — это море.

Лирический герой несколько раз отмечает, что место, куда он прибыл, — чужое, хотя в 1969 г. (дата написания стихотворения) и Одесса (локация, заданная названием стихотворения, но не обозначенная в самом тексте), и Бродский находятся в одной стране — СССР. Однако уже сейчас родина становится чужой, возможно, благодаря антитезе: город поэта — Санкт-Петербург, северный; Одесса — город южный. Несмотря на то что И. Бродский еще не изгнан из страны (он эмигрирует в 1972 г.), он уже «изгнан» из литературы, его произведения практически не печатают. Как отмечается в исследовании А. Лосева, для изгнанника существует всего два пространства — родина и «не-родина», т. е. чужое место [Лосев 1977: 320]. Значит, мы можем предположить, что лирический герой все же изгнанник, а не путешественник. Это сближает его с А. С. Пушкиным, для которого юг родной страны тоже чужое место, потому что это место ссылки, неволи, ограничения свободы. Ли-

рический герой передает и состояние Пушкина, и свое собственное.

Известно, что Пушкин неоднократно хотел побывать за границей, однако ему не давали этого сделать: «Ты знаешь, что я дважды просил Ивана Ивановича о своем отпуске чрез его министров и два раза воспоследовал всемилодивейший отказ. Осталось одно: писать прямо на его имя — такому-то, в Зимнем дворце, что против Петропавловской крепости, не то взять тихонько трость и шляпу и поехать посмотреть на Константинополь...» (из переписки с братом) [Пушкин 1950: 80]. Для Бродского подобные высказывания — повод объединить себя и Пушкина темой неволи. Он полагает, что для А. С. Пушкина родина становится таким же чужим местом, как и для него, и усиливает этот мотив в стихотворении. Именно поэтому в первой строфе появляются и «чужие углы», и «чужой порт» — все настраивает читателя на то, что даже узнаваемые места — это не родина в духовном аспекте, т. е. не место, где человеку хорошо и комфортно, а нечто противоположное, даже если совпадает с родиной, обозначенной в документах.

Рассмотрим хронотоп чужой родины. Зима часто встречается в стихотворениях и произведениях А. С. Пушкина, причем, как правило, это положительный образ — «Была зима». Наполненное восхищением «Зимнее утро», крестьянин, торжествующий при виде «волшебницы зимы» в «Евгении Онегине» (там же она именуется «матушкой-зимой»), зимняя метель, которая свела настоящих влюбленных в одноименной повести из цикла «Повести Белкина» — все это свидетельствует о том, что соединение образов-персонажей и зимы должно настраивать читателя на приятные эмоции. Зима в стихотворении Бродского — это что-то вроде тюрьмы, клетки, замкнутое пространство: «Тяжелым льдом обложенный Лиман, // как смолкнувший язык материка, // серел, и, точно пятна потолка, // шли облака». Небо становится потолком и давит на лирического героя, во всем ограничения, все находится в «густом тумане», отсутствуют просветы. Это — темница из «Узника», только вместо решетки — небо, туман, зима.

Более того, обстановка вокруг может наводить ужас на лирического героя: «Гостиницы мерт-

вы. Недвижность чаш, // незрячесть глаз // слепых богинь.» Повсюду царит смерть или ее подобие — отсутствие движения, подчеркнутая неспособность видеть. («Незрячие глаза слепых» — выражение, которое по своей структуре напоминает цитату из «Бориса Годунова» А. С. Пушкина: «Мы видели их мертвые трупы»). Оба выражения связаны со смертью, у И. Бродского — в контексте строфы, и построены на плеоназме. Сложно сказать, насколько сознательно используется данный прием, однако такая переключка между фразами возможна, тем более что стихотворение Бродского пронизано идеей пересечения судеб и творческих подходов поэтов.) Чужое пространство несвободы ассоциируется с пространством смерти.

В этой обстановке лирический герой видит памятник Пушкину, «апостолу перемены мест» (аллюзия на «Евгения Онегина»: «Охота к перемене мест»). Однако появляется повод для иронической параллели: памятник недвижим. Особая ирония звучит в выводе, сформулированном с помощью жаргонизмов: «Хана перемещеньям!», полностью противоположном тому, что проповедовал поэт.

Мотив заключения, неволи усиливается частичной персонификацией памятника, когда тот хочет сдвинуться с места, но это оказывается невозможным. В образе памятника сливаются и реальная скульптура, и поэтический образ Пушкина, созданный Бродским.

Оживление памятника, наделение его мыслями, желанием уйти, соединение в одном образе и скульптуры, и человека — все это те приемы, которые когда-то использовал Пушкин в своем «Медном всаднике», однако его Пётр I смог «преодолеть» свою скульптурность, замкнутость, а А. С. Пушкин в стихотворении И. Бродского может о свободе только мечтать.

Про памятник говорится, что «Из чугуна // он был изваян», т. е. из тяжелого материала, что противопоставляется легкости пушкинского «памятника нерукотворного»: легкости в аспекте перемещения, ибо слово, живущее в книге или, что, по Бродскому, лучше, в голове читателя, свободно перемещается по миру. Памятник может лишь стоять «лицом к тому, // в чью так и не случилось

бахрому // шагнуть ему». Бахрома, скорее всего, — метафора пены волн, т. к. описывается берег, и море здесь так же, как и у Пушкина, является символом свободы. И если человеку не случилось путешествовать по морю, значит, он так и не смог найти свой путь к свободе. Можно предположить, что здесь соединяются концепты добровольно принятой смерти и свободы, т. к. шагнуть в море не совсем то же самое, что плыть по морю, больше эта фраза напоминает размышления об уходе из жизни, попытке утонуть. Памятник же обречен на вечную жизнь, но эта вечная жизнь как раз тяготит, мучает, потому что она проходит в пространстве несвободы, и это, как отмечалось, похоже на смерть. Смерть в море, в окружении бурной стихии свободы не воспринимается как нечто страшное или негативное, напротив, это символ тотального сближения с волей, возможно, переход к новой, наконец-то свободной жизни.

Пушкин, по мнению Бродского, мечтал покинуть страну: «Поди, и он // здесь подставлял скулу под аквилон, // прикидывая, как убраться вон, // в такую же — кто знает — рань, // и тоже чувствовал, что дело дрянь, // куда ни глянь». Однако ситуация у А. С. Пушкина была не такой однозначной, как думал Бродский. Известно, что А. С. Пушкин был деятельным человеком и, даже будучи ограниченным в передвижении, мог перемещаться внутри страны (достаточно вспомнить его известное путешествие, связанное с поисками материалов о Пугачевском восстании), он не был «запрещенным автором», у него в стране оставались друзья, семья, под конец жизни — издательское дело. Данные факты указывают на то, что поводов оставаться в России у Пушкина было гораздо больше, чем у Бродского, но о них в стихотворении умалчивается.

По мнению Бродского, Пушкин искал свободы: «И он, видать, // здесь ждал того, чего нельзя не ждать // от жизни: воли». Ожидание воли отражается в поэзии А. С. Пушкина: вспомним и оду «Вольность», и «К Чаадаеву», и «Деревня», и другие произведения. Бродский говорит, что эту благодать, то есть волю, поэт сокрыл от остальных, потому что был, по его мнению, «ревнив» к свободе.

Также поэт называет Пушкина «богом русских нив». Действительно, часто нивы упоминаются в контексте красивого пейзажа, которым лирический герой любит («Вновь я посетил», «Деревня», «Румяный критик мой...» и др.). Нива — большое открытое пространство, как и море, однако, в отличие от водной стихии, земля куда меньше ассоциируется со свободой, а нивы, как правило, окружены лесами или деревьями, т. е. ограничены. Далее присутствуют аллюзии на южную ссылку А. С. Пушкина: главным звуком Юга признается лязг оков, что может быть отсылкой к «Узнику». Оковы не только связываются с памятником, но и являются символом державы.

Оковы становятся частью памятника Пушкина: «И отлит был // из их [оков] отходов тот, кто не уплыл...» Вместо мечты о соединении с морем как стихией свободы (здесь не столь важно, соединение как утопление и переход к иной жизни из неволи или буквальное путешествие по морю к новым свободным странам) Бродский наблюдает страшную и горькую реальность: поэт, стремящийся к свободе и воспевающий ее, буквально создан из оков и с оковами связан навечно. Это повторение судеб обоих поэтов: преследования со стороны властей начинаются пусть не после поэтического дебюта, но в ранний период их творчества. Пушкин впервые выступает в печати в 1814 г., в 1817 г. выпускается из лицея и начинает самостоятельное творчество, а южная ссылка датируется 1820 г.; первое крупное поэтическое выступление Бродского состоялось в 1960 г., в этом же году он попадает под надзор КГБ, его вызывают на допрос, а в 1963 г. статьей «Окололитературный трутень» начата травля поэта (с дальнейшим арестом в 1964 г.). Можно сделать вывод, что оба поэта практически в начале творческого пути сталкиваются с оковами, и этот опыт в той или иной степени влияет на все дальнейшее творчество: столкновения с цензурой преследуют поэтов в течение всей жизни на родине (Бродскому не позволили вернуться на похороны родителей). Таким образом, как памятник создан из «отходов оков», так и поэты сформировались из ситуации неприятия на родине. Однако степень этого неприятия различна: А. С. Пушкин не был запрещенным

поэтом, его произведения выходили в печати и над ним не висела угроза попасть в тюрьму или психиатрическую лечебницу за творчество, как это было с Бродским. Разница ощутима, но в стихотворении Бродского как будто скрыта.

Далее в стихотворении цитируется элегия «К морю»: «тот, чей, давясь, проговорил // “Прощай, свободная стихия” рот». По классификации Н. Фатеевой эта атрибутированная цитата (атрибуция находится в заглавии стихотворения) оформлена по правилам цитирования [Фатеева 2007: 122]. Данное явление довольно редкое для поэта, который предпочитает намекать на присутствие чужого текста: «И. Бродский часто намекает читателю на присутствие в тексте отсылки к какому-то другому тексту, сюжету или событию» [Ахапкин 2009: 5]. Однако само стихотворение построено так, что никакой тайны в источнике нет, читатель осознает, что наиболее очевидными отсылками в стихотворении о Пушкине будут отсылки к творчеству Пушкина, поэтому Бродскому не нужно создавать интертекстуальную игру с читателем. Напротив, ему нужно напомнить, что именно говорил А. С. Пушкин о воле и неволе. Нужно это для того, чтобы еще раз подчеркнуть, как поэт проповедовал свободу и как несвободен его памятник. Фраза «Прощай, свободная стихия» иллюстрирует мотив принятия своей неволи, осознания, что со свободой нужно попрощаться, что воля для поэта останется недостижимой мечтой.

Лирическому герою элегии Пушкина проще отказаться от перемещения в пространстве, чем самому Пушкину, и после написания элегии поэт возвращается к мечтам о путешествии. Так, в 1828 г. (через четыре года после «прощания со свободной стихией») А. С. Пушкин пишет А. Бенкендорфу: «Так как следующие 6 или 7 месяцев остаюсь я, вероятно, в бездействии, то желал бы я провести сие время в Париже, что, может быть, впоследствии мне уже не удастся» [Пушкин 1950: 245]. Однако в прошении отказывают, и прощание лирического героя элегии «со свободной стихией» становится также прощанием поэта. О пророчестве фразы говорит и Бродский: «проговорил <...>, // чтоб раствориться навсегда в тюрьме широт, // где нет ворот». Тюрьма, отсутствие выхода — все

это большое пространство неволи, которое расширяется на всю страну, в которой остается Пушкин.

Бродский также отмечает, что «Нет в нашем грустном языке строки // отчаянней и больше вопреки // себе написанной». Действительно, как уже было отмечено, прощание со свободной стихией не умалило в Пушкине стремление к свободе. Поэтому и примирение с неволей — это шаг вопреки своему внутреннему отношению к ней.

Кроме того, стоит отметить, что в стихотворении есть несколько фраз, эксплицитно выражающих идею прощания со свободой, одна из них: «Хана перемещеньям!» Важно, что ей «поддакивают»: «и с того конца // земли поддакнули звон бубенца // с куском свинца». Звон бубенцов куда более характерен для эпохи Пушкина, нежели эпохи Бродского. Свинец же, который тоже поддакивает, — возможная аллюзия на пулю, убившую поэта и остановившую навсегда все возможные земные перемещения человека.

Слова иной культуры

Помимо отчаяния, пронизывающего весь текст, причем не только стихотворение И. Бродского, но уже и стихотворение А. С. Пушкина, так как «нет <...> строки отчаяннее», можно обнаружить и иронию вместе с самоиронией. Поэт высмеивает и общество, которое воздвигает памятники взамен памяти истинной, и образы себя и Пушкина, представляющихся поэтами, мечтающими о свободе, но оказавшихся запертыми на родине, которая стала восприниматься как чужое пространство. Горькая ирония создается не только с помощью параллели между мечтаниями и реальностью, в которой идеалы поэта не воплотились. Бродский смешивает ожидаемый при заявленной теме, связанной с культурой, высокий стиль с низким, жаргоном: употребляются такие слова, как «восставший», «перст», «незрячьсть», «мгла», «аквилон» (слово из пушкинского словаря, имеется одноименное стихотворение), «благодарить», «зане», принадлежащие к высокому стилю, и рядом с ними «пахан» (относится к арго [Грачёв 2003: 655]), «хана» (просторечное [Евгеньева 1999, т. 4: 591]), также может относиться к арго [Грачёв 2003: 981]), «дрянь» (разговорное [Евгеньева 1999,

т. 4: 450]), также может относиться к арго [Грачёв 2003: 265]), «блевал» (грубое просторечное [Евгеньева 1999, т. 1: 97]). Интересен контекст последнего слова: «И я там был, и я там в снег блевал». Это известное всем сказочное изречение. Оно встречается и у А. С. Пушкина, например в «Сказке о мертвой царевне» и «Сказке о царе Салтане»: «Я там был, мед, пиво пил, // Да усы лишь обмочил».

Почему в тексте о А. С. Пушкине появляется тюремный жаргон? Известно, что поэт мог позволить себе нецензурные или бранные выражения как в произведениях (например, в стихотворении «Телега жизни»), так и в письмах (можно найти письма П. Вяземскому с цензурными ограничениями, сделанными редакторами собрания сочинений). Нельзя говорить о том, что брань — это привычный для Пушкина язык, однако связь слов низкого стиля с именем поэта — это не оскорбление. Бродский словно ведет «игру» с читателем, задавая вопрос: режет ли слух брань рядом с именем Пушкина? Если бранные слова кажутся неуместными, то стихотворение прочитывается на одном уровне интерпретации, который доступен тем читателям, для которых язык Пушкина — стереотипный поэтический язык, наполненный высокими словами. Если же читатель более погружен в творчество поэта и его судьбу, его взгляды на язык, то он понимает, что тюремный жаргон, конечно, все же не самая ожидаемая лексика в контексте с именем поэта, однако и большого неприятия такой лексики у читателя нет.

Тюремный жаргон — это тоже чужое слово. Это не язык, которым Бродский привык разговаривать, и не язык Пушкина, это язык иной культуры. Впрочем, Бродский с этой культурой знаком. Смешение стилей и параллели в биографии позволяют говорить о том, что «и я там был» — это ключевой мотив переосмысления Бродским литературного прошлого. Иными словами, поэт говорит о том, что и он повторяет судьбу Пушкина. Оба являются опальными поэтами, А. С. Пушкин — ссыльный, И. Бродский — арестованный, впоследствии изгнанный из страны. Соединение высокого стиля и арго — это та культура, частью которой был Бродский в тюремном заключении. В стихотворении тюрьма, решетка, оковы — все, что лиша-

ет человека воли, — это признаки целой страны. Со времен А. С. Пушкина ситуация «опальный поэт» все же изменилась: изгнание — не на юг страны, а за ее пределы, тюрьма — не фольклорная темница, но реальная тюрьма с реальными преступниками, для которых арго — это такой же нормальный язык, как для поэта — язык высокий.

О судьбе поэта лирический герой говорит прямо: «И ощутил я, как сапог — дресва, // как марширующий раз-два, // тоску родства», а также в сравнениях: и он [А. С. Пушкин] мечтал здесь о воле, и он прикидывал, «как обратиться вон».

Выводы

В стихотворении «Перед памятником А. С. Пушкина в Одессе» И. Бродский выступает в качестве пушкиноведа, размышляя о судьбе и творчестве поэта. Однако он выбирает такие факты биографии Пушкина и такие аспекты его творчества, которые позволяют поговорить о своей собственной судьбе. Один из основных мотивов — мотив родства поэтов. Бродский создает образ Пушкина, который позволит приблизиться, показать, что судьба автора стихотворения повторяет судьбу Пушкина. С одной стороны, это нужно для того, чтобы Бродский еще раз осмыслил тему собственного изгнания, «вписывая» себя в ряд иных изгнанников, в котором оказывается его друг Я. Гордин и великий русский поэт А. С. Пушкин. С другой стороны, автор показывает, что ситуация не изменилась: и раньше, и сейчас поэзия могла стать причиной попадания в заключение, а стремление к свободе было и остается одной из важнейших ценностей в русской поэзии.

В стихотворении используются два типа чужого слова: аллюзии на творчество А. С. Пушкина, которые можно считать классическими интертекстуальными включениями, и цитирование тюремной лексики. Пушкинский интертекст использован, чтобы усилить отрицательное отношение к установке памятников поэту вместо переосмысления и нового прочтения его поэзии. Из всей пушкинской лирики в качестве претекстов выбираются произведения о свободе. Это дает Бродскому возможность поговорить о своем отношении к свободе и несвободе, сделать некие

выводы о поэтической неволе в стране. Соединение же пушкинского текста с арго усиливает мотив заключения, тюрьмы, который объединяет И. Бродского и А. С. Пушкина не только в творческом плане, как тема свободы, побега и отчуждения на родине, но и в биографическом.

Таким образом, лирический герой стихотворения «Перед памятником А. С. Пушкину в Одессе» оказывается перед памятником самому себе, находя куда больше сходств, нежели различий с Пушкиным в аспекте осмысления свободы.

ИСТОЧНИКИ

Бродский 2001 — Бродский И. А. *Сочинения Иосифа Бродского*. В 7 т. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. 1.

Грачёв 2003 — Грачёв М. А. *Словарь тысячелетнего русского арго: 27000 слов и выражений*. М.: Рипол-классик, 2003. 1119 с.

Петровская 2001 — Петровская М. Биографический метод. В кн.: *Литературная энциклопедия терминов и понятий*. Николюкин А. Н. (ред.). М.: Интелвак, 2001. 1600 ст.

Пушкин 1950 — Пушкин А. С. *Полное собрание сочинений*. В 10 т. Л.: Наука, 1951. Т. 10. 898 с.

Евгеньева 1999 — *Словарь русского языка*. В 4 т. Евгеньева А. П. (ред.). М.: Наука, 1999. Т. 1. 702 с.; т. 4. 797 с.

ЛИТЕРАТУРА

Ахапкин 2009 — Ахапкин Д. *Иосиф Бродский после России. Комментарии к стихам И. Бродского (1972–1995)*. СПб.: Журнал «Звезда», 2009. 132 с.

Бахтин 2000 — Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. В кн.: Бахтин М. М. *Собрание сочинений*. В 7 т. М.: Русские словари, 2000. Т. 2. С. 7–175.

Головко 2011 — Головко Б. Н. *Интертекст в массмедийном дискурсе*. М.: Либроком, 2011. 264 с.

Гордин 2000 — Гордин Я. *Переключка во мраке. Иосиф Бродский и его собеседники*. СПб.: Издательство Пушкинского фонда, 2000. 229 с.

Гордин 2016 — Гордин Я. *Гибель Пушкина. 1831–1836*. СПб.: Издательство Пушкинского фонда, 2016. 352 с.

Лосев 1977 — Лосев А. «Ниоткуда с любовью...». Заметки о стихах Иосифа И. Бродского. *Континент*. 1977, 14: 307–331.

Лукин 2005 — Лукин В. А. *Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум и элемент*. М.: Ось-89, 2005. 192 с.

Мищенко 2008 — Мищенко Е. В. «Чужое слово» в лирике И. Бродского как диалог с культурной традицией: постановка проблемы. *Вестник Томского государственного университета*. 2008, октябрь, 315: 25–27.

Москвин 2015 — Москвин В. П. *Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили*. М.: Либроком, 2015. 168 с.

Ранчин 2001 — Ранчин А. М. «На пиру Мнемозины...»: *Интертексты И. Бродского*. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 464 с.

Ратников 1999 — Ратников К. В. Пушкинские аллюзии в поэзии Иосифа И. Бродского. *Вестник Челябинского государственного университета*. 1999. № 1: 138–152.

Фатеева 2007 — Фатеева Н. А. *Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности*. М.: КомКнига, 2007. 280 с.

Юхт 2003 — Юхт В. Свидание с памятником. В кн.: *Мир Иосифа Бродского: Путеводитель*. Гордин Я. А. (ред.). СПб.: Звезда, 2003. С. 285–314.

SOURCES

Бродский 2001 — Brodskii I. A. *Works of Joseph Brodsky*. In 7 vols. St Petersburg: Pushkinskii fond Publ., 2001. Vol. 1. (In Russian)

Грачёв 2003 — Grachev M. A. *Dictionary of millennial Russian slang: 27000 words and expressions*. Moscow: Ripol-klassik Publ., 2003. 1119 p. (In Russian)

Петровская 2001 — Petrovskaja M. Biographical method. In: *Literaturnaia entsiklopediia terminov i poniatii*. Nikoliukina A. N. (ed.). Moscow: Intelvak Publ., 2001. 1600 p. (In Russian)

Пушкин 1950 — Pushkin A. S. *Full composition of writings*. In 10 vols. Leningrad: Nauka Publ., 1951. Vol. 10. 898 p. (In Russian)

Евгеньева 1999 — *Russian Dictionary*. In 4 vols. Evgen'eva A. P. (ed.). Moscow: Nauka Publ., 1999. Vol. 1. 702 p.; vol. 4. 797 p. (In Russian)

REFERENCES

Ахапкин 2009 — Akhapkin D. *Joseph Brodsky after Russia. Comments on poems by J. Brodsky (1972–1995)*. St Petersburg: Zvezda Publ., 2009. 132 p. (In Russian)

Бахтин 2000 — Bakhtin M. M. Problems of Dostoevsky's creativity. In: Bakhtin M. M. *Sobranie sochinenii*. In 7 vols. Moscow: Russkie slovari Publ., 2000. Vol. 2. P. 7–175. (In Russian)

Головко 2011 — Golovko B. N. *Intertext in mass media discourse*. Moscow: Librokom Publ., 2011. 264 p. (In Russian)

Гордин 2000 — Gordin Ia. *Roll call in the dark. Joseph Brodsky and his interlocutors*. St Petersburg: Izdatel'stvo Pushkinskogo fonda Publ., 2000. 229 p. (In Russian)

Гордин 2016 — Gordin Ia. *Death of Pushkin. 1831–1836*. St Petersburg: Izdatel'stvo Pushkinskogo fonda Publ., 2016. 352 p. (In Russian)

Лосев 1977 — Losev A. “From nowhere with love...”. Notes on the Poems of Joseph Brodsky. *Kontinent*. 1977, 14: 307–331. (In Russian)

Лукин 2005 — Lukin V. A. *Literary text: Fundamentals of linguistic theory. Analytic minimum and element*. Moscow: Os'-89 Publ., 2005. 192 p. (In Russian)

Мищенко 2008 — Mishchenko E. V. “Alien Word” in J. Brodsky's Lyrics as a Dialogue with Cultural Tradition: Statement of the Problem. *Tomsk State University Journal*. 2008, October, 315: 25–27. (In Russian)

Москвин 2015 — Moskvina V. P. *Intertextuality: Conceptual apparatus. Figures, genres, styles*. Moscow: Librokom Publ., 2015. 168 p. (In Russian)

Ранчин 2001 — Ranchin A. M. “At the Feast of Mnemosyne...”. *Brodsky's Intertexts*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2001. 464 p. (In Russian)

Ратников 1999 — Ratnikov K. V. Pushkin allusions in the poetry of Joseph Brodsky. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 1999, 1: 138–152. (In Russian)

Фатеева 2007 — Fateeva N. A. *Intertext in the World of Texts: The Counterpoint of Intertextuality*. Moscow: KomKniga Publ., 2007. 280 p. (In Russian)

Юхт 2003 — Iukht V. *Appointment with the monument*. In: *Mir Iosifa Brodskogo: Putevoditel'*. Gordin Ia. A. (ed.). St Petersburg: Zvezda Publ., 2003. P. 285–314. (In Russian)